

Елена ШВАРЦ

**ЗАПАДНО~ВОСТОЧНЫЙ
ВЕТЕР**

«Пушкинский фонд» • МСМХСVII
Санкт-Петербург

Не перебивай меня в борюль,
На завтрашней круче захрустят.
Я шепчу в юге сибирской,
Семь сил моих сжимает зорю Шуря.
Меня не ушибай меня,
Не по сонному я спущу в кач,
А если душно в сердцу мое -
Я разужу вроду сибирю
и в свои шитые шубы
Ворвусь кружащиеся вачки.
Пускай в борюль Одида мир,
Родит и в субботу, на крошечки,
Всеприче вроду вроду Шурю -
Одида в дереве вроду вроду.

1996

Елена Шуря

Елена ШВАРЦ

**ЗАПАДНО~ВОСТОЧНЫЙ
ВЕТЕР**

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Пушкинский фонд» • МСМХСVII
Санкт-Петербург

Марка издательства работы
Сергея Семенова

АРБОРЕЙСКИЙ СОБОР

УКРАИНСКАЯ ФЛОРА

- 1) маки и мальвы в июне
- 2) подсолнечник в июле
- 3) конец лета

Маки украинской ночи
За селом залегли,
Как гайдамаки хохочут,
Черное сердце в сладимой пыли.

Черная бахрома,
Мрака темней, дрожит,
Сводит корни с ума,
Белый надрез их пьянит.

Мальва — она пресней —
Малороссийский просвирник,
Как украинская мова
Русской грубей и тесней.

Но она хлебцем пахнет.
Каждый голодный год
Пек ее, замерзая,
Со снытью мешая, народ.

Прабабушка младая
В венке из васильков
В омут глядит — Другая
Манит со дна рукой.

Врастают волосы в волны,
Чмокнет веночек венком.
Вот под корягой Луною
Днепровский давится сом.

Ты, Украина родная,
Потерянная страна,
Кровью меня согревая,
Манишь с речного дна.

Выпьет макитру горилки
Хитрый казак — а вдруг?
Товарищи мечут жребий,
Сбившись в круг.

И выпадает жребий,
И усмехнулся казак.
В глиняной люльке зарделся
Шелково-тленный мак.

Вот казак, накреняся,
Выскочил из шинка,
Гаркнул и повалился
В дебри подсолнечника.

А солнце вырыло ямку
(Оно ведь черней крота)
И упало в изнанку —
Где сумрак и нищета.

Подсолнух кротко поводит
Телячьей своей головой.
Семечек полное око
Никнет к полыни седой.

— Достань скорее занозы, —
Он просит у казака, —
Больно! Из налитого
Лаковой кровью зрачка.

Крот — солнце, Луна — монисто
В маки галушки макают.
Гетман, канувший в Лету,
Плывет в свою хату на Канев.

Разве пестики-тычинки
Не просыпаны под тыном,
И сама не отлетела
У арбуза пуповина?

Ты ли, мати Украина,
Плачешь в ивах, длинных, сивых,
И не ты ли пробежала
Под буреющей крапивой?

сентябрь, 1996

ЖИВАЯ МОЛНИЯ

Бродила Дева по Заливу
И не заметила — как вмиг
Лицо пространства исказило
И начался небесный тик.
Молния в нее вонзила
Взгляд, малиновым пером
Чиркнула, заскользила
Спинным хребтом.
Но не сожгла, а оживила,
И в муках молния сама
Живою стала и светила,
Переливалась, воздух жгла.
Она лишь к дереву прислонилась —
И целый лес гудит огнем,
Дитя погладила (забылась) —
Младенец рухнул головней.
Золотая! Погибельная! Тьмы дочь,
И душа ее, и в нее скользнешь.
После тебя темнее ночь.
В золе ты душу свою найдешь?

1982

**ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ПРОКЛЯТЫЕ ГОРЫ,
ИЛИ СЕРБЫ, УНОСЯЩИЕ НА СЕБЕ
ГРОБЫ ПРЕДКОВ**

(балканская баллада)

Мчит автобус через горы,
и — Прокленти имя им.
Вот каньон, заросший мелким
красным слабым листьцем.
А со дна струится верткий
Тонкошей белый дым.
Он со дна ведет проклятье
Вверх — к вершинам — поводырь.

Черный глухо-мертвый ослик
На обочине распух,
Мимо вдаль трусит, задумчив,
В грубых шорах
И в расшитой в кровь попоне
Старый серенький лошак,
Бубенцами: дринь дак-дак.

Задыхаюсь я под неба
Ярко-синей простыней,
И душа уже не дышит —
Будто я в избе курной.

Перец едкий сыплет с неба.
Что же остается, серб?
Взять ли домовину деда
И бежать вглубь дальних неб.

Что ж? Отныне — это стол твой,
Это — жесткая постель,
Ты сметаешь крошки хлеба,
Над сосновым твердым ложем
Закачает веткой ель.

Разве можно, разве право
Мертвых с жизнью разлучать?

Или призрак от живого
Льзя ли грубо различать?

Спи же в домовине деда,
Мы схороним в облаках,
Запустив ее на небо
Длинной песней в завитках.

Мой же путь лежит нелепый
В монастырчик под горой,
Пахнет кофе, тайной склепа,
Где молитвы подогреты
Сливовицей молодой.

Ледяную брагу в кровь пуцу,
Лепестком замерзшим заев,
И за пазухой словесную пращу
Шевельну, и ременный напев.

1996

НА ПРОГУЛКЕ

Меж кладбищем мальтийских рыцарей
И ламаистским темным храмом —
Сперва черту проведши прямо,
Посередине точку выцарапай.
И в этой точке, строго смиренной,
Меж этих двух полей заряженных
Всегда сидит большая чайка
И кланяется в обе стороны.

Как будто вер двух провода
Она, подъяв, соединила
И через тело пропустила
И взорвалась здесь навсегда.
О если б как она — все веры
Соединить в одной, одной
И, ощетинясь будто солнце,
Большой взметнуться булавой.

1981

ПРИБЛИЖЕНИЕ КАВКАЗА

(Поезд)

Как пчеловод, мед соскоблив,
Вдвигает раму в улей снова —
Похмельный Краматорска вид
Сменила тишина Азова.

С холма куда-то вниз и вдаль,
Надувши паруса косые,
Могилок горсть, как стайку яхт,
Горячим ветром относило.
Где только что была видна
Луна как розовый потек —
Я орлей лапы вижу след,
Ей облак разрывает бок.
И расплылась и потекла
По небу черная печать,
Ее значение темно,
Я не умею различать.
Но принялась она мотать
Клубок — что грязен и ал,
И вдвинулись первые горы,
Толкнули Московский вокзал.
Раздавили, как не бывало,
Будто где дом — там дым.
В грубошерстной зеленой милоти,
Вроде ребра в толще плоти,
Гора под ветром ночным.
А флейтисты поднесли к губам
Тусклые початки кукурузы
И высвистали из-под теплой мглы
Змею Кавказа или Музы.

1988

АРБОРЕЙСКИЙ СОБОР*

Душа моя вошла во храм
Ночной, презрев засов,
Она прошла через толпу
Рябин, берез, дубов.
Они стояли без корней
И трепетали в дрожь
И наклонялись вместе враз,
Как в непогоду рожь.
Как будто ветер в них шумел,
Как будто говорил,
То листья сыпались с ветвей —
Не дождь с шуршаньем лил.
И пред какою бы иконой
Душа не пала на колени —
Оттуда ветер ледяной
Провеял об пол чьи-то тени.
А на амвоне дуб стоял,
Кривыми крепкими руками
Он душу леса поднимал,
Как бы в лазурной чаше пламя.
В такт шепоту его и треску
Деревья никли головой.
И пахло лопнувшей корой,
Хвоею, желудем, смолой.
Душа моя тогда спросила
У деревца, что меньше всех:
Что привело вас, что свалило,
Что вы набились, как в ковчег?
— Конец Закону, все возможно:
Мы ходим, рыбы говорят,
И небо уж свернулось в свиток, —
Слетая, ахнул листопад.

1996

* От arbor — дерево (лат.).

Не переставай меня творить,
На гончарном круге закружи,
Я цветней и юрче становлюсь,
Чем сильней сжимает горло Жизнь.
Меня не уставай менять,
Не то сомнусь я смертью в ком,
А если дунешь в сердце мне —
Я радужным взойду стеклом
И в сени вышние Твои
Ворвусь кружащимся волчком.
Пускай творится этот мир,
Хоть и в субботу, на прощанье,
Встречь вдохновенью Твоему —
Опять в деревьях клекотанье.

1996

АПОЛОГИЯ СОЛНЦЕВОРОТНОГО СНА

Памяти Джона — афганской борзой

1

Мы с борзой собакой носились по снам,
По Морфеевой пустоши,

по цветам и полям,
по висячим мостам.

И взлетали они и взмывали оне
До арбузного семечка — к белой Луне.
К нашатырным цветам приникали вдвоем,
От их трезвости дикой забывали — где дом.
И не лето кругом, а декабрьский скисающий день,
Открывала глаза, а закрыть уже лень.
И собака дрожала, свернувшись у ног,
И звала меня в сон. Разве жизнь есть предлог —
Чтобы сны мои видеть, чтобы, заспав,
Притушить этой тьмы слишком резкую явь?
Мы с борзой скользили по светлой реке,
Трепетала муха на честной усатой щеке,
И сказала собака: — Мне жизнь так странна,
Как чужая, в общем-то, эта страна,
Даже более сна. —
Отвечала я ей: — Некий похитил вор
Мою бодрость и трезвость. Ты б отыскала его. —
Но собака потупила взор.
Не ответила мне ничего.
Изобилием тьмы мы питаемся, столько не съесть,
Декабря не изведать,
Она льется по нашим медвежьим костям,
Своей светлой изнанкой вращаясь ко снам.

2

С параллельною птицей летели тайгой, а потом
Повернули над синим сияющим льдом,
А на льду раскраснелись цветы, и едва
Называя себя — превращались в слова.
Леденели в полярных садах,
Их тяжелая ценная кровь вымерзала в клубнях.

О, зачем лепестки одеваются льдом —
Просыпаясь, я озиралась с трудом,
Голубь мерз за окном.
Голос сумерек в бархатной сыпи
Прошептал: спи, да спи ты.
Духи сумерек в ухо вливали настой:
Спи, усни, сон с тобой.
Так вмерзала я в льдину, в плывущую тьму декабря.
Спи, медведь, далеко до весны,
Сонным соком бочки полны,
Вдоволь сна у зимы в закромах.

декабрь, 1992

ССОРА В ПАРКЕ

Парк весенний — будто водорослевый.
Музыка поводит бедрами.
Сыра ломтики подсохшие
У меня в руке дрожат,
И бутылка пива крепкого
На сырой земле стоит.
Воздух будто промокашечный —
Из сиянья, из дрожания
Что-то хочет проступить.
— Видите вот эту статую?
Это гипсовая Ночь,
Если ты ее царапнешь,
Из нее сочится кровь.
— Ах, пора уже оставить
Вам готические бредни.
Сколько можно клоунессу
Из себя изображать?
Я давно уж удивляюсь,
Почему вы так уверены,
Что Господь вам все простит?
— Просто вы меня не любите,
Как Господь... Да, вот не любите. —
Горькой легкой сигаретою,
Сигаретою турецкою
Затянусь и посмотрю
На оркестр в отдалении
И платок сырой пруда.
— Это очень ясно, просто:
Бесконечна его милость
И любовь несправедлива,
Я ее не заслужила,
Потому он и простит. —
Тихо-тихо, низко-низко
Пролетел лиловый голубь
Над зеленою скамейкой.

Я брожу одна в тумане
И с собою разговариваю,
И целую воздух нежно
Иногда, по временам.

1985

ПУШКИН ЦЕЛУЕТ РУКУ АЛЕКСАНДРОВУ

О, не забудется Девица
Надежда Дурова, гусар!
Забвение себя, отвага —
Ей горький дар.
Она была Кузнец-девица
И воск переплавляла в медь,
Она сумела измениться
И выбрать образ, свой забыть.
Глаза зажмурить — и решиться,
В себе поерзать — и шагнуть,
И вот — не бусы, а медали
Ей красят грудь.
Однажды руку ей при встрече
Привычно Пушкин целовал,
Она смутилась: «не привык я», —
А «-ла» упрятала в карман.
Печально мы по воле Бога
Стократ меняем кровь и лик,
Она же вольно изменилась,
И стала в старости — старик.
Она по залам и гостиным
Бродила мрачно, как изгой,
Не любят люди перепрыги
И когда сам себе чужой.
Но можно так преобразиться
И измениться до конца —
Глаза откроешь — и не скроешь
Сиянье грубого лица.

1987

ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В ВИДУ СТОКГОЛЬМА*

Семь дней и семь ночей скользили,
Скакали, прыгали чрез льдины,
И знали — южный ветер дохнет —
И все провалится в пучину.
О швед, ты будешь изумлен!
Морозным утром, утром ясным
Обледенелый и ужасный
Из беловато-серых волн
Выходит мерно россов полк,
И как в капкан попавший волк
Швед отгрызает задню лапу —
Финляндию бросает им:
Ешь, подавись, навек исчезни
От наших берегов как дым.
О грубый вепрь, зверь окаянный,
Возьми лапландские ключи,
И наш хрустальный, наш стеклянный
Ты городок не растопчи.

1996

* Спор русских со шведами за обладание Финляндией мгновенно разрешился после того, как небольшая русская армия, перейдя по тающему льду Ботнический залив, явилась в виду Стокгольмского городка (1809 г.).

Над зыбью залива, над гладкой равниной,
Над хлябью и глубиью и ввысь —
Летите вы, очи, лети, мое зренье,
Как будто от взмаха руки.
Лети над водою — то выше, то ниже,
Лети, а не можешь — скользи,
Чтоб я позабыла в усилье паренья
Себя и заботы свои.

Земля разрушенья, о ветхая Стрельна,
Умильно пиявкой лежит
Под левой рукою, у самого сердца,
У злой подгородной весны.

Летят мои очи, летит мое зренье
По волнам, по небу и ввысь.
Вон облако, видишь? Вон радуга — видишь?
И если меня не найдешь — как вернешься —
Ты дальше над морем лети.

1995

Как нынче пусто было в церкви,
В вечернем храме — ни души,
И только сторож, я и Бог
Дышали в сумрачной глуши.
Сверхумное с безумным соединяя,
На позвоночник тоненькой свечи
Молилась я, а сторож уж, зевая,
Перебирал звенящие ключи.
Пора идти — хотя иная служба
Как раз начнется в этот миг,
Как только дверь замкнет стальную,
Замешкавшись, старик.
Уж ангелы слетались под купол
И робко пробовали голоса,
И, помня просьбы дневные, — святые
На грубых досках вознесли глаза.
Тогда и жутко телом оплотняясь,
Намоленная тишина
Обрушилась, кругами опускаясь,
Звеня у алтаря, одна.

1996

ПРОБУЖДЕНИЕ

Дитя проснулось в Вавилоне
От перестука сторожей
И оттого, что ласточка все стонет
В слюне окаменившейся своей.

Как долго длится ночь
(Но скоро солнце встанет?),
Над ним вращается такая высота —
На слабое мерцающее темя
Грядущего, кружась, спускается плита.

Как долго длится ночь,
Но скоро солнце встанет.
Он плачет оттого, что ласточка и он
Лежат в осадке и на дне стакана
И в непрозрачной глубине времен.

Я слышу — ящерка по глине прошуршала.
Откуда я гляжу — со стенки, с потолка?
А ласточка пронзительнее стонет.
Зачем же я... Неужто это я
Проснулась майской ночью в Вавилоне?

1983

ПОКУПКА ЕЛКИ

Маленькому лесу из 48 елок — с печалью

В елочном загончике я не выбираю,
Не хожу, прицениваясь, закусив губу.
Из толпы поверженных за лапу поднимаю,
Как себя когда-то, как судьбу.

Вот ее встряхнули, измерили ей рост.
Вот уже макушкой чертит среди звезд,
И пока несую ее быстро чрез метель —
Вся в младенца сонного обернулась ель.

И, благоуханную, ставят ее в крест,
И, мерцая, ночью шевелится в темени.
Сколько в плечи брошено мишуры и звезд,
Сколько познано знакомо золота и зелени!

1996

АЛХИМИЧЕСКИЙ РАССВЕТ

В духовной трезвости я провожу свой век,
В сиянье разума. Но часто я пьянею.
Летела птица и упала вдруг,
Холодный синий глаз висит над нею.
Нигредо пережив, душа проснулась,
И снова птица бьет крылами в стену,
Звонящим белым мраком разогрета.
Она — внутри, но в ней уже светлее.
Душа моя, округлая реторта,
И солью всех веществ она полна.
Что ни родит она: хоть ангела, хоть черта,
Она для опытов чудесных рождена.

1995

Слепые очи северной ночи
Смотрят в колодец двора,
Медленно тянут из глубины
Ведро, и *chi vedrá*,*
Что они вынесут на высоту:
Дна петербургского сор,
Рыбу трехдневну, книгу и мышь,
Дворника древний топор.
Видят они свечи в окне
Человек, может быть, сто;
Светятся тихо они во тьме
В городе этом пустом.

1996

* Первое и последнее слово итальянской поговорки «*Chi vivrà vedrà*» — поживем-увидим; букв.: кто доживет — увидит; здесь: кто увидит.

Почему вот этой пылинке
Говорю я не «ты», а «я»?
Кремешку, блеснувшему глухо
В смертной впадине бытия.
Когда бы Солнцу я посмела
Сказать, лучами все паля:
— Горячее мое! Родное!
Ты — мое тело. Это — я. —
Но даже ветром я не стану,
И он уже не станет мной,
Хозяйка я одна под темной
Растленной этой скорлупой.

1996

◆ ◆ ◆

Ваше сердце плачет ночью,
Отчего — оно не знает,
А мое-то знает точно —
От кого и с кем гуляет.

Потому уж и не плачет,
Но оно стыдится очень —
Что душа моя царица
Спит со львом чернорабочим.

1996

АВТОМОБИЛЬНОЕ

Люблю канареечный цвет
Подгулявших к ночи машин,
Эту рубчатость, шорох и взвизг
Накаченных намертво шин.

Обмажься маслом и оденься в робу —
О как преобразится сразу мир —
Ломая кости и вгоняя в гробы
Шестиколесный мчится эликсир.

Верти, крути баранку с вывертом
Своею лапкой мелкой верткою.
На светофоре у Исакия
Я поворотником пощелкаю.

Исакий! Шоколад колонн
И блеск твой инистый и грозный
Уже сокрылись за углом,
Уже крупица в веке слезном.

Намажься маслом и глотни бензину
И прыгай в древний двигательный сон.
Намотанный на колесо Литейный —
Вертящийся в мученьях Иксион.

Бросающейся под капот Шпалерной
Лечу я вверх к собору и садам.
Как странно по земле передвигаться,
Всегда мне странно, будто по водам.

Когда бы на ходу резиновом
Нестись над бездной океанною —
Не то же ль — что я вдоль Гостиного
Лечу печальная и пьяная?

P.S.

По руслу бывшего канала
Скольжу я в рыбе круглоногой.

Мелькнут трамваи, люди, зданья...
Куда ведет меня дорога —
В болота Охты ли, в сиянье?

декабрь, 1995

ВОЗДУШНОЕ ЕВАНГЕЛЬЕ

(Четыре существа воздушных на воздуха стекляшке начертали свою благую весть — кто жалом, кто крылом. Убоги речи их? Мое убого зренье, ведь воздух стерся, трудно понимать.)

Комья облаков к лопате прилипли,
Вырыла из воздуха с трудом ящик.
Был в нем мед предсмертный
Пчелы багровый,
Ангела лепет,
Чудотворный гвоздь
И граненый шар.

1. От Пчелы

Я — дикая пчела печальной Иудеи,
Я голод утоляю свой
Гвоздикую полуживой,
Ее ищу в полях везде я.
Однажды — слышу я благоуханье,
Как в розовом саду после грозы,
Туда лечу стрелой, жужжа, и вижу — вот
Всего лишь человек в тени лозы
Засохший хлеб жует.
Вокруг я стала виться,
Ища — куда бы впитаться.
А Он мне говорит: «Не тронь, умрешь.
Апостол среди пчел,
Ты, верно, чуешь
Нездешнюю мерцающую розу.
Она как будто рядом, но на деле —
Дорога к ней через глухую ночь».

С тех пор куда б Он ни пошел,
И я за ним.
В суровую ли Галилею
В волне блаженной я плыла,
Полуслепая, и пила

Лишь соки сохлых трав.
Потом Его я потеряла —
Не знаю как,
Забвенье дарит
Пустынный мак.
И вот нашла — в Ерусалиме,
Куда я, Божия пчела,
В уснувший садик забрела.
Вдруг
По сердцу бьет благоуханье,
Ведет меня любовь.
И вижу — злые люди, крест,
И благовонная струится кровь.
К нему, шершавая, прижалась, и вся горю.
«Кольни меня, пчела, в сердце,
Нынче же будешь со мною в раю».

2. От Кедрa

Как хорошо, что у деревьев нету глаз,
А то бы их выкалывали, жгли.
Невинный, вращающийся беспомощно,
Живой и влажный,
В коре засохшей, черной...
Топор...

Срубили,
Разрезали,
Поперек самого себя
Сколотили,
Вбили в землю,
Повесили Бога
Живого.
Он появился, как зелень
Весной из корявых сучьев,
Как полная Невозможность.
Руки Его на моих плечах.
Я прижался, хотел
Последним соком своим
Силы Его подкрепить.
Вдруг я стал деревом снова,
Расцвел,
Весь покрылся листьями,
Корень мой
Укоренился в далекой белой земле,

В сердце мира.
Весь я в красном плаще цветов.

3. От Ангела

С Крита на Кипр
На ножке одной,
То взмою, то к морю
Вниз головой.
Простой ангелишка —
Летал я, резвился весь день
Как пташка.
Вдруг набежала тень.
Тело воздуха скорчила боль.
В море закричала соль.
Я выше взлетел в страхе тогда —
И вижу — день, а будто ночь.
От Иудеи расплзается злая вода,
Чернота по лику земли ползет.
А Тот, кого я видеть привык
Огненным шаром, ровно горящим,
Разодран — Крестом пылает
Во тьме.
Я упал в пустыню,
В песок лицом,
Кругом
Сидели демоны,
Частые как цветы полыни,
Молча,
И дрожали всем телом,
Как шакалы
При затменье Луны.

4. От воздуха

Его дыханье с воздухом смешалось. Ветер
Разнес его по миру — узнаёшь,
Что в легкие вошла хотя бы малость,
Когда вдруг ни с чего охватит тело дрожь.

В воздухе спит ветер,
Бог в человеке.
Господи Боже,

Сын Твой —
Ныне становится ветром,
Чтобы к Тебе вернуться,
Чтобы в свитом из вихрей
Вечно кружиться
Кольце.

1982

ЗЛОЕ СОКРОВИЩЕ

(пауки и повилика)

(маленькая поэма)

1. Вид на Город из Стрельны

Вот в море город чуждый, страстный,
Его мне жаль,
Над ним мелькает свет опасный
И мчится вдаль.

Фаланги легких пауков
Ползут, идут на город тихо,
Чтоб, легкой сетью оковав,
Его испила повилика,

Что режет золотой цветок.
Тот никнет в землю, на Восток.
И не сияет, не горит.
На это глядя исподлобья,
И замок, одряхлев, стоит,
Как обветшавшее надгробье,
В полыни, в паутине весь...
Какая тьма, весь свет не здесь.

2. Буддийский храм

У речки храм стоял — заброшенный, любимый
Ночными духами. Там было тихо,
В нем ночевали Жрец и Одержимый
И, за иконою лубочной, Паучиха.

Час приходил — они склонялись разом
Пред Буддою с алмазным глазом
(Он после опочил на дне реки,
Где я свои топила дневники).

А жизнь лилась — и Одержимый
В ней кланчил хлеба на кольце трамвая,

А если после оставались крошки,
Лизала Паучиха их, играя.
А жизнь лилась — и люди притекли
И вырвали у Будды глаз игристый,
А самого швырнули в глубь реки,
В дно Леты мгливой.

3. Разговор

I

Ведьмак ведьмачке говорит:
Беда, беда —
Вечор порезался немного,
И с шумом хлынула вода,
Ох, черная вода.

II

А ведьма помнит о своем:
Мне сердце врач светил лучом
И нагрубил мне вдруг —
Что сердца моего бурдюк
Порос матерым мхом.

III

Ведьмак:
Все нечистоты городов
И древних кладбищ прах,
Любовь лягушки, глупость сов,
Седой козлиный пах —
Все заключили мы с тобой
В крови и в наших снах.

IV

Ведьма:
Близка Вальпургиева ночь,
Возьмем с собою крошку-дочь

И там ее съедим.
Пускай не знает наших мук,
А мы с тобою, милый друг,
Червя себе родим.

V

И наши отпадут хвосты,
И станем мы чисты...
Из сердца выползет, звеня,
Пыльная змея.

Они шептались при свече,
Вдруг голос слышат (ясно чей):
Вы знаете меня.

VI

Служили мраку, смраду век —
И вот уж вам нейметя.
Из сердца выползет змея,
Вкруг шеи обовьется.

Смотрела девочка в углу,
Глазенками кося,
На то, как кружатся над ней
Родители, вися.

4. Будни

Ведьмак у ведьмы
С корнем рвет
Из брюха волосок,
Блестящий черный волосок
С мучнистым клубеньком,
Который мог бы прокормить
С десяток темных тлей,
Которые и пыль едят
(еще благодарят).
Но он умчался в блеклый край
По прихоти зефира

И приложился невзначай
К злему сокровищу мира.

5

Сидит за банею ведьмак,
Бубнит в пожухлое былье:
Как душу мне свою избыть,
Скажи, подружие мое.

Тут поднялася повилика,
Взмахнула плетью раз и два
Своей железной, обхватила,
В тугой веревке голова.

И тотчас же повис паук,
Кровь высосал, напился ал
И быстро на живую нитку
Мягкий саван соткал.

Под землю рухнул вурдалак.
Там налетели, закрутили,
И паутиной в этот миг
Фонтаны сохлые забили.

6

Повилика плетью железной
Вкруг Столпа Александрийского взовьется,
Высосет его — и ангел разобьется,
И паук на острие взберется.

И начнет паук паучью битву,
Источая злую паутину,
И задушит град алмазный и гранитный
Бесконечно легкая перина.

Пена у вас, пена на губах.
Имя Бога взять вы в смерть забыли.
В этот миг в заброшенных садах
Фонтаны пылью дикой били.

Высокий дом
 У глухой реки
 С одним окном.
 Девочка из окна спускает корзину
 В глубину вод.
 В корзине слиток,
 Замшелый камень,
 На нем выбито слово,
 Но заросло с веками.
 Дитя надеется слово отмыть,
 Буквы едкой водою размыть.
 Слово в реке,
 Дитя в высоте,
 Рыба плеснет,
 Слово всплывет.
 А где родители твои?
 Они копают клад.
 Они давно туда ушли?
 Да век тому назад.

8. Родители

Долго пытали
 Папоротника цвет,
 Он им открылся,
 Где зарыт секрет.

Они копали шахту
 И ящик обрели,
 Они в него нагнулись —
 Что там горит внутри.

И вдруг закрылся ящик,
 Понесся страшный лифт,
 Ударился о землю
 Уже не на земле.

Ни воздуха, ни света
 Не чувствуют глаза,
 А к ним уже несутся
 Крыла и голоса.

— Мы, кажется, подошли
— Ужели? Наконец! —
Им в головы всадили
Проволочный венец.

1994

СЛЕПАЯ ВЕСНА

1. Замурованное окно

Поздняя осень вроде бы,
Только свет иной —
Сквозит весной.
Красный дом. Окно замуровано, —
Внутри стена стеной.

Немного зерен зябнувшей весны —
Слезоточивого, как память, газа,
Чтоб я оплакала для каменной стены
Потерю маленького глаза,

Потерю точки зренья и угла,
И тех, кто из него смотрели и истлели...
Уж им не надо булочки моей
Со сливками, отдам ее апрелю.
Подскочит теплый ветер и лизнет,
Быть может — и теням перепадет.

2

Бельма слепого в яркую синь
Смотрят спокойно и строго,
Шепчет он легкому ветру: аминь —
Слово, которым человек отпускает Бога.
Но Бог никогда не отпустит его,
И нет у него прощального слова,
Хоть Он никому не нужен здесь,
Как сердце больного.
Но если есть молитва вниз —
Она слышна мне снова и снова.

Отступи от меня! Кто вынес ее?
Чтобы мне подкрепиться... плетень из «аминей».
Захлопываю дверь пред лицом Живого.
Слепотую прикроюсь от благодати синей.

3. Брандмауэр в весенний день

Брандмауэр в тисках лучей
Сияет, корчится, трепещет.
Миряд стесненных кирпичей
В себя весенним светом плещет.
Он весь как нервное лицо,
Без глаз, без носа, безо рта,
И, как немой слепоглухой,
Он грязной кожей чует вечер.
Бормочет, как клавиши перебегаёт, гаснет,
И давит на других, и сам давим,
Оранжевый кирпич, багровый, сладко-красный,
Переплавляется в закатный дым.
Капель стекает по лицу.
Какое бедное оно!
О если бы как третий глаз
Вдруг пробуравилось окно.

4

Хлеба, золота, мрака
Ни у кого не прошу.
Звезда расплывается кляксой,
Я воздухом темным дышу.
— Призрак, а дышит, дышит, —
Деревья о нас говорят,
А полузабытые тени
Не дышат и не молчат.
А может, и дышат тонко,
Как воробей и моллюск —
Свеча (а не было ветра)
Погасла от чьих-то уст.
Небеса шелестели, скрипели,
Вытек звездный зеленый глаз.
Разве звезды там говорили
О чем-нибудь, кроме нас?

5. Деревянная весна

Какая древняя весна,
Ее ресницы поседели,

Ее брезгливые младенцы
Лежат в колясках, изогнувшись.
Она берет свой легкий посох,
Постукивает им по пяткам
И дышит, дышит в глубь затылка,
В себя вдыхая тленный мозг.
И ты становишься дриадой,
Обломком корня и клюкой,
Поводырем слепой старухи,
Что любит дерево и кость.

6. Зевающий в подворотне

Тот, кто долго, зевая, идет подворотней,
Образует другую собой подворотню,
И всегда тут приходит прохожий
И не знает — в какую идти.

Подмоченные подворотни,
Друг в друге длась и отражаясь,
Ведут к фасадам лиловатым
И к зданьям цвета платьев школьных.
Когда из первой переходишь
В другую — что стоит напротив —
Как будто в зеркало идешь,
Но только там тебя не видно.
Пока не выйдешь, наконец,
К светло-гниющему каналу,
Вниз по которому к Заливу
Плывут, подернутые рябью,
Глазницы верхних этажей.
Тот, кто из окон этих смотрит,
Быть может, на сырое небо —
Не знает, что на звезды смотрит
Из-под воды, из-под волны.

Мы все когда-нибудь скользили
В небесных штольнях вод подземных
И даже там припоминали
Сквозняк далеких подворотен.

7

Как будто листья щелкают и свищут —
Не видно птиц.

Напрасно их весна, взрослея, ищет
В садах столиц.

Не человек, а небо радо —
Что вот весна,
Она стекла в подпочву сада,
Отныне нет ни снов, ни сна.
И легкий низкий дым фабричный
На небе палевом размыт,
И темным кружевом приклеен
Ко облакам невзрачный храм.

Мне кажется, что если б кто-то
(Да, тот таинственный, кто мог)
Ступил бы на воду канала,
Прошел бы легче, чем бывало, — она
Окаменела б от стыда —
За то, что так мутна, убога
(Удел она была не Бога),
Не трогает ее весло.

8. Старо-Калинкин мост

С этих выступов на мосту
Я смотрю в рассветающую темноту,
С закутков, в которых убийцы тень,
Вниз кидается ночь и вскарабкался день.
Где справа налево метнулся собор,
Перепрыгнув реки замерзающий створ,
И на этом пронзающем реку носу
Жизнь смеркается, плачет, дрожит на весу,
Поспешает народ к стапелям, кораблям
По гранитной плите, предрассветным соплям.

9. Звезда над Измайловским собором

Она приходит, как весна,
Она не знает сожаленья —
Звезда вечерняя одна,
Сорвавшись с должного теченья,
Плывет ко храму, там она
Низка и слышит песнопенье.

Она висит чуть ниже купола,
Молитву видит как свеченье,
В невидимое улетит не сразу,
Она проходит горлом, глазом,
И в сердце сразу замолчит —
Со смертью нашей — там они,
Как отроки в печи.
И что ей в нашем сердце снится?
И там во тьме она лучится.
Так, может быть, и ты, звезда, не свет,
А боль, иль зритель, или птица,
Что хочет плыть перед волхвами,
Как ящик с лишними дарами.

10

Кажется — особенно когда
Звездный корабль ложится на борт —
Что из болот городских, из гранита
Ключ живой бьет.
Может, на плацу, может, у старухи
В подвале, под сундуком у беззубой,
А может, в стволе колонны
Или в сердце у дуба.
Может, внутри человека какого?
И жизнь оживет. Звезда, укажи!
Но медлит, сбивается, угасает,
Как слепая в небе кружит.

11. Меха

Ох, — в подвздошь глубина,
высота.
Ох, в подвздошь лихая пустота,
Как нетопленной декабрьской печи
чернота.
Я вздыхаю тяжело —
Ох,
наверх,
И в ответ
Дух мне душу прижимает,
Будто мех.

В обе стороны ведет
Воздушная дорога,
И вздыхаю я уж вниз —
Вздохом Бога.

12

Звезда огромная фонтаном
Над пропастью души горит,
И в голове тщедушной сада
Как рана светлая болит.
Высвечивай, высверкивай,
Выблескивай себя —
От локтя Ориона
До снежного горба.
Она стучит, сияет, всматриваясь,
Будто не ослеплен циклоп,
Лопнет вот-вот зренья мешок,
Светом звездным зальет
Неба покатый лоб.

1995

ПРЕРЫВИСТАЯ ПОВЕСТЬ О КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ

Гишпанский Петербург (*предисловие*)

В Испании (и, кажется, нигде больше) долго сосуществовали три веры: христианство, мусульманство (суфизм) и, в одном из самых изощренных своих проявлений (каббала), — иудейство. Три культуры жили как соседи, одождаясь друг у друга в случае нужды (алхимией, к примеру).

Мне захотелось представить это в реальности, а единственная знакомая мне до глубины реальность — мир самого вымышленного города на свете, где все может (могло) быть, где, в конце концов, живут вместе православные храмы, костел, мечеть, синагога и буддийский храм.

В этом смысле Петербург — испанский город и находится в гишпанском королевстве, недаром и Гоголь (в лице Поприщина) все грезил об Испании. А Луну если и делают в Гамбурге, то у нас ее давно проиграли в карты.

Прости, любезный читатель: не для тебя, не для себя, не для Поприщина предприняла я этот дикий имажинативный опыт. А может быть, так все и было на самом деле.

Глава 1. Соседи помогают друг другу

В бывшем доходном доме,
В квартире одной коммунальной
У кухни круглой обручальной
(Куда все двери выходили)
Четверо свой век коротали:
Три старичка
И проводница Верка —
Добрая до глупоты
Краснорожая девка,
Она и полы им мыла,
И чем иногда кормила,
Но выпивала она.

Один старик был горный суфий.
Переселившись в Петербург,
Он будкой завладел сапожной,
И, бормоча и улыбаясь,
Весь день на улице сидел.
Однажды духом опьянившись,
Он никогда не протрезвел.
В далекой юности влюбившись,
Все тот же обожал предмет.
С трудом скрывал свое счастье,
Свое чужое блаженство,
Подметку ли поправляя,
На крыше ли сидя под вечер.
На кухне ночами кружился,
К Богу взмывая венком
Из алых цветов и листьев.
Он падал и вскрикивал громко
Пронзительно на забытом
Чужом самому языке.
Когда это видел сосед —
Еврей, по прозванью Давидка,
То, воду ему подавая,
Так всегда говорил:
— Зачем ты, Юсуф, кружишься
Почти убитою птицей?
Ты к Господу не возлетишь.
Да и чему ты смеешься
И радуешься громко —
Ведь жизнь — это страшный кошмар.

А сам по ночам он считал,
Считал он по свитку Торы
И что-то еще мастерил.
А то простоит, бывало,
Весь день на тощей ноге,
Взявшись за левое ухо.

А третий сосед — смиренный,
Тайный инок в миру,
Любого — кто что ни прикажет —
Слушался как отца,
Такое он взял послушанье.
Власий имя ему.
Утром выходит на крышу,

Осыпав себя крупую,
И воробьи ликуют
В круглой его бороде.
Слезы льются по горлу
Прямо в нагое сердце.

Проходят годы.
Они, как буквы разной крови
Кружатся, не смыкаясь в Слово.

Глава 2. Другой взгляд

Листы Корана разметались,
Евангелъе во тьме сияло,
И Тора вверх и вниз росла
Как основание столпа.
И ангелов расцветок разных
Сновала грозная толпа.
Вовне квартира та хранилась,
Как твердый и глухой орех,
Его сиянье распирало
Невидимое для всех.
И только будущая Дева
Свой глазом проливала мрак,
И в глуби мысленного чрева
Писец царапал известняк.

Глава 3. Добрая Вера

А Вера, с рейса как пришла,
На кухню яблок принесла:
Смотри, приволокла для вас,
Юсуф, Давид и дядя Влас.
Влас отвечает: благодарствую.
Спаси ты, Господь.
А Давид: счастлив, Вера, будет ваш супруг.
Юсуф же только хохочет.
А яблок красная гора
Истаивает до утра.

Ах, Вера! В двери крик да стук.
Забрел уже солдатик к ней.

Они запрутся — слышен смех
Да взвизги: пей или налей!
И шепчет Влас: ох грех, ох грех.
Юсуф кружится все быстрее.

Глава 4. Война и Голем

Давид ночами что-то лепит,
Все что-то ладит, мастерит,
То щетиночку приклеит,
То пружинку завертит...

Там внизу проходит жизнь, хмелея,
Сатанея, алчет наважденья.
В этом плоском сумеречном граде
Их свело так тесно Провиденье.
Три светильника, горящих на Восток,
Одного бы, кажется, хватило,
Но в созвездие одно сцепила их
И свела в ночи вселенской Сила.

...колдует, дует, приклеит,
Пружинку туже завертит —
Глядишь: уж некто завозился,
Глаза открыл, лежит, пищит...

Там внизу стучит толчками время,
Началась и кончилась война.
Голодали, мерзли, но на крышу
Не упала бомба. Ни одна.
Маленькое существо меж труб
Все сновало вверх и вниз по скату,
Вдруг взлетало, бомбу изловляло
И летело с нею к морю, к морю
И бросало в волны за Кронштадтом —
Только терпеливым рыбам горе.

А потом тихонько приходило,
В щель дверную под крюком скользя,
И ложилось спать,
Как щенок свернувшись, под кровать.
Раз за ним пришли чужие люди:
Кто-то бегал по крыше,

Не ракетчик* ли?
И вроде к вам?
— Что вы! Что вы! — им Давид сказал. —
Это даже слышать нам обидно. —
Поискали, да найдешь его!
Голема то видно, то не видно,

Глава 5. Вера приводит Будду

А в конце войны им Вера привела
Потерявшегося желтого мальчонку,
Бурятенка или монгольчонка.
Где-то умирал
В паутине шпал,
Вот она и пожалела.
Он не говорил им ничего.
Вера постаревшая смотрела:
— Бессловесный он, еще он мал. —
— Как тебя зовут? — спросил Юсуф.
— Будда. Будда, — отвечал ребенок.
Вера хлебца принесла ему,
И глаза косые повернулись
В свой покой, в свою густую тьму.
Влас ей низко-низко поклонился.
— Да чего, — смутилася она.
А Давид шептал: хоть мы не видим,
Ты здесь рядом, близко, Шехина.

Глава 6. Обрывки разговоров на кухне

— Юсуф, ты страха Божьего не знаешь.
— А ты не знаешь любви.
— Я сто раз на дню умираю...
— А ты живи, живи.

Влас: Живи как колесо:
Едва земли коснется —
Несется вверх.

* Немецкий шпион, подававший сигнал самолетам, стреляя из ракетницы.

Покайся, выплюнь грех,
Слугою будь у всех,
В смирении живи.

Давид: Порченный свет,
Подлеченное сиянье.
Искру одну спасу —
И я спокоен.

Я (подслушивая из соседней квартиры, глядя на Власа):

Мы все перебираем время
По часику, по месяцу, по зернышку.
А святой бредет по нему напролом
(А оно стоит)
Как сквозь туннель — ночью ли, днем
Сломанной часовой стрелкой
Летит.

Глава 7 (продолжение — еще более бессвязное)

Влас: Милость в нас и с нами,
Не прав ты, брат Давид.

Давид: Мириады искр упали:
Те — на море, и утонут,
Те — во зверя, и застонут,
Кто — во камень и орех,
Тем, несчастным, хуже всех.
Заклучились вы в пределы тесные,
Как вас вывести, огоньки небесные?

Я (раздумывая над их словами):
В новом ковчеге плывем,
На этот раз — ржавый линкор.
Больше ничей за нами,
Нет, не следит взор.
Дверь захлопнулась милости,
Цепь порвалась и связь.
В этой покинутости —
Что мы? — липкая грязь.
Вода превратилась в пламень,
Мы заперты и горим.
Храм наш давно сгорел,

Ныне сгорает Рим.
Голубь с юным листом
Не прилетит назад,
Таает на дне морей
Ледяной Арарат.

Влас: Милость-то в нас и с нами,
Ребе, подумай, отец.
Это еще не конец.

Давид: Пламя я вижу, пламя.
Больше и нет ничего.

Глава 8. Еще другой взгляд

Они как стебли —
Каждый прошел, возрос
В кружащийся над головой цветок,
И это — Бог.
Где каждый забывает о себе,
Где грешная травинка
Вдруг видит, закатив глаза,
Огромный шелкóвый купол над собой,
Где сполохи и тихая гроза,
Где этот переход и перелив —
Где человек впадает в Бога,
Как в обморок или в залив?
Три стебелька в одном стакане,
Плывущем в Тихом океане.
Вертятся воды.
Они как буквы разной крови
Кружатся, не смыкаясь в Слово.
Проходят годы.

Глава 9. Прогулки с ретортой

Еще желтей Адмиралтейства —
Кленовый лист, еще чернее
Нагой земли — идут матросы,
В плечах печати золотые.
О, цвет матросов — осень. Осень.
И все ж они мне непонятны.
Как, впрочем, все, как осьминоги.

Со смесью бойкости и страха
Иду по садику. В кармане
Держу прозрачную реторту.
И там, где нету никого,
Смотрю на свет — как запотела!
Но все же видно — что внутри
Три крошечных танцуют тени:
Раввин, и суфий, и святой.
То, за руки схватясь, несутся,
То пьют из одного стакана,
То плачут, то о стены бьются,
То застилает их туманом.
Так сахар с горечью
И с солью кислоту
В одном сосуде я смешала —
Недаром Беме снился мне
И Парацельса я читала.

Никто не видел? Нет, никто.
И снова прячу их глубоко,
Поближе к сердцу под пальто.
Вдруг будто обожгло лучом,
Блеснуло золотое око.
Ужели я сама внутри,
Ужели я подобна им —
Сама кружусь в седой реторте
И помню имя — Элохим.
Эль, Иисус, Аллах, Эн Соф.
Как крепко горлышко бутылки,
Закрытый зев... неслышный зов...

Глаза домов блестят, горят —
Закатный золотится яд,
И страшно мне с водой живой
Брести под окнами пивной.

Глава 10. Вера заболела

Время идет, а мальчик не растет.
Он смотрит в потолок
И на Восток.
Недвижный лотоса цветок.
Положит Вера возле ног

То яблоко, то молоко
И говорит: поешь, сынок.
Он пьет ночами кипяток,
Он — лотос и живой цветок,
А Вера перекрестит бок:
Ох, сердце все болит, сынок.

Глава 11. Похороны и убийство на кладбище

Когда же Вера померла,
И на Смоленское тихонько повезли,
За ней плелись все три соседа.
Они и плакали и пели
И говорили: Вера наша
Переселенье претерпела,
У ней сегодня новоселье.
Когда ее землей прикрыли,
То поклонились они ей:
Дай Бог тебе счастливого пути,
От страшных демонов спасенья
И в Господе упокоенья.
И светлых ангелов,
Закрыв руками лица,
Просили ее душеньке помочь
На первых страшных тропах, перегонах.
И пожелали в новой ей квартире
Соседей лучших, чем в сем брэнном мире...
И, не решаясь Веру так оставить,
Они стояли там, как три свечи.

В те времена (после войны)
В обширных склепах жили
Не привиденья и крылатый мышь,
А злобные грабители ночные.
Им было любо средь гниенья, тленья
Нечистыми глазами поводить.
А в них самих,
Как во гробах далеких гадаринских,
Жили духи. Только кто б
Им приказал войти
Не в стадо — в стаю
Мусорных ворон.
Иль в сонмище смоленское лягушек

И броситься в болотистую речку.
Да некому...не время... Вот они,
Не различая утра, дня и ночи,
Пьют самогон из черепа гнилого,
Вот — точат нож о каменные плиты.
Вдруг они
Увидели сквозь дырочки и щели
Святящихся на воздухе весеннем
Тех старцев и промолвили: ужо!

Они их цепко, быстро окружили
И порешили
Кастетом, и удавкой, и ножом.
А те едва позвать успели Бога,
Как их уже присыпали листвою.

Так с Верой и в земле не разлучились.

А в следующую ночь была облава,
И демоны бандитов все вошли
В наганы, пистолеты, револьверы
И сами же себя перестреляли.
А старцев ангелы,
Подняв толпою тесной,
В сиянье унесли
Страны небесной.
В одно сиянье —
В разные углы.

Глава 12. В опустелой квартире

В квартире брошенной ветшает всё —
И мертвый Голем на полу, листы Корана.
Мальчик, сидя на пороге,
Окаменев, достиг Нирваны.
И сотни голубей тогда
Через трубу вовнутрь рванулись
И, как лиловая вода,
Кружились, гулькаая, волнуясь.
Всё превратилось в гулкий клекот,
Крыловорот...
Всё заколотят, всё захлопнут,
И только минус-свет живет.

Вдруг всё умолкло. Встрепетало.
Ударил луч, и свет погас —
Дух древний, новый, небывалый
Сошел — и вот уйдет сейчас.

И в непереносимо ярком свете
Тогда спустился Иисус,
И, маленького Будду взяв,
Унес на небо легкий груз.

И царство Духа наступает
На небе, море, на земле,
И гул колоколов не тает,
Трепещет в бедной голове.

март — апрель 1996

**ЗАПАДНО - ВОСТОЧНЫЙ
ВЕТЕР**

ХОККУ

Два хокку на тему Поста:

Фигу супу я
Показала: выкуси!
Что? Съел? Пост у нас.

Приближаться к Богу,
Как праведника кожа
К кости, — день за днем.

Три хокку на тему харакири:

Харакири — ты
Птицей в животе кричишь:
Выпусти меня!

Харакири — ты
В темноте растешь дитем.
Скоро. Ой-ой-ой!

Умер самурай.
Пляшешь весело над ним,
Харакири — ты.

Три хокку на тему каратэ:

Каратэ люблю
Больше, чем стихи, теперь.
Только подойди!

Ночью каратэ
Слаще мне всего теперь.
Только подойди!

Молния ли я?
Спросит самурай, смеясь,
И ударит в лоб.

1980-е годы

Последнее хокку

**На темной улице
Злой одинокий фонарь
Погаснет вот-вот.**

1996

САМУРАЙ И БЕСЫ

На берегу реки
Спит самурай,
Рядом лежит меч,
Сел на острие комар —
Ногу отбрило.
Облако вдруг пробежало
От острия к рукоятке,
Вздригнул во сне самурай.
От лезвия к лезвию
Тень промелькнула,
Вспрыгнул тогда самурай,
Ударил воздух мечом,
Марево дня задрожало,
Черная брызнула кровь.
Вскрикнул бес полуденный,
Выпадая из брэнного мира:
Ты, охотник на духов,
Темных, бессмертных,
Скоро погибнешь сам.

В это время на другом конце света,
На ключице земного мира
Младенец кричит в колыбели,
И ему говорит бес полночный:
Плачь со мною, дитя,
Только что на острове дальнем
Брата моего убили.

1996

ИУДЕЯМ И ВСЕМ

Иудеи, христиане,
Пожалейте блудный март.
Он кусает, молодея,
И целует корни трав.

Иудеи, христиане,
Не глядите в воды мутные,
Хоть уже дрожат на пристани
Перед гонкой звезды смутные.

Иудеи, мусульмане,
— Льда линяет дряхлый хвост.
В ночь идут без нас и с нами
Яхты пригородных звезд.

Иудеи, ваша горечь,
Мусульмане, ваша смелость,
Христиане, ваша кротость —
В почке марта тихо спелись.

Ваша близость, мусульмане,
Ваша ближность, иудеи,
Христиане, ваша кровность...
— Чаша марта, леденя,
Тленности таит коровность.

1996

✧ ✧ ✧

Стихотворение в священном гневe
С диким оскалом во лбу
Прижало к зрачкам своим пьяным
Золотую (кровь мумий) трубу.

Вскидываясь, плясало.
— Ты разве чужой шаман? —
Я спросила его устало.
Оно упало, привстало,
Бросилось с бубном в туман.

Я вздрагивала со всхлипом
И каялась всей семьей,
А тайна слова живого
Сыпалась в ухо мое.

1996

131

1380

ДОЛГОЕ СХОЖДЕНИЕ ВО АД

Спускаться в погреба,
снижаться в подземелья
сквозь лоно темное
потасканной земли,
до золотых глазниц,
до огненных кореньев,
гудящих, как метель —
куда и гномы не могли
и эльфы не дошли.

Я знаю — прадеды мои
Давид и Авраам
(я вниз иду по их следам)
назад, оглядываясь, шли
и знаки оставляли по стенам.

Сквозь золото бежать,
толкать его руками —
вот путь, которым шел
Исус во ад за нами.

Пусть Он спускался здесь,
но вышел Он не вверх,
а, твердо грешников ведя,
Он вышел в ледяной орех.
Там в семядоле золотой,
в живородящей сердцевине
есть дверь, и хлопнула она
и прикипела, но отныне
она откроется всегда,
когда ты сердце,
да, сердце бедное свое
руками злыми
поднимешь: врезано в него
навек иглою Тайноимя.

1994

◆ ◆ ◆

Мне ветер говорил так ясно, строго,
То веял радостью, то обжигал во страх.
О, помоги нам, ангел! Нас так много —
Нас столько, сколько зерен на полях.
О ветер, додыши, довей до Бога,
Будь нитью, проводом, узлом,
Пусть он расслышит, пусть хотя немного:
Молитв обрывки, только «...ам» да «ом».

1996

8

2 5

ГУСИНООЗЕРСКИЙ ДАЦАН

/ ()

В юности мечтой пьянела я нелепой:
Вот пойду учеником в дацан,
Вот приду я к желтым ламам в степи,
И не скажут: «рази ж ты пацан»?
Не заметят. Выучусь молитве,
Яме страшному зеленый брошу рис,
И, как молния жестокая, в мгновенье
Сто миров промчу и брошусь вниз.

1996

81

1434

◆ ◆ ◆

Стамбул не пал, не пал Константинополь,
А с грохотом расшибся третий Рим,
На дне морей, под изумрудной коркой
В его развалинах, в золе горим.
Проливов не видать, теперь уж это ясно,
На что они? На что мне Рим?
Мне мира мало, да и он опасен,
Он рухнул весь, мы в головне дрожим.
На что мне мир? Мне нужно только,
Чтоб ангелы не слышали меня,
Все ж слушая, и всхлипывали горько,
Подглазья синевую затемня.

1996

144

С 2005 12.12

ШОФАР

Друг, теперь я надломилась,
Будто трость.
Еще тело веселится,
Завопила кость.
Ничего и не осталось —
— Горсть воды и горсть песка,
Еще в сердце моем радость,
А в костях — печаль-тоска.
Все гобои, все берцовые
Воют, нокут всей длиной,
Будто роги новогодние
Над темнеющей рекой.

1996

(12)

58

◆ ◆ ◆

В глубокой долине
Огни зажглись,
Мерцали и тонко звякали.
Прямо на них упала вниз
Лестница Иаковля.

Лестница упала, небо далеко,
Вспугнутые ангелы метались.
И одни кидались в землю лбом,
А иные с нами жить остались.
Я встречала иногда таких —
По водам бредущих спозаранку.
Не воздвиг еще над головой
Сонный мастер новую стремянку.

В долине гнева и священной злости
Пусть вылетит последний вздох.
Если не разденешься до кости —
На тебя и не посмотрит Бог.

1996

17

1475

Там, где, печалью отравившись,
Завоет путник: Ханаан,
Там, где Рахиль пекла оладьи
На придорожном плоском камне,
Где небо ангелами каплет,
Как ночью поврежденный кран, —
Не для меня серебро оливы,
Я не была бы здесь счастливой,
Не здесь мой дом.

Где ангелы летят дождем
В булыжник тертый, камень битый,
Надо всем стоит Исакий,
Тусклым золотом облитый.
Где ангелов метет метель,
Метель метет — туда, туда,
Где демоны, как воробьи,
Сидят на проводах.

Где истончились дух и плоть,
Где всё пещера и провал,
Где стоит палец уколоть —
И сонмы духов с острия
Влетят под кожу и галдят.
И где толпа полупустотна
Не замечает облак плотный,
Ведущий под уздцы трамвай
В Коломну, наш вонючий рай,
Не видит, видя, столп.
Зато с рожденья знает всякий,
Что он — пещера, камень битый,
Как молчаливый наш Исакий,
Мутным золотом облитый.

январь, 1991

ОБРУСЕНИЕ КУНДАЛИНИ*

Бедное Кундалини, дерево мое,
Не змея, а дерево
С круглой головой.
Что же ты не едешь
Трактом столбовым —
Царскою дорогою
К вершинам седым?
Ты служить мне должное,
Исполняй закон,
С милою ухмылочкой
Домовой дракон.
Подымись в святилище
Со свечой витой.
Добавь к моему бормотанью
Гуденье и ветер свой
И крепкого намертво яда
В склеиватель слов.
Срубить мне, Горыныч, надо
Одну из твоих голов.
Давай раскалим А и О.
Ты будешь подмогой, маньчжурка.
Когда ты под горло ползешь,
Мне весело, щекотно, жутко.

1996

* Сила, таящаяся в позвоночнике (даосск.).

ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЕ № 2

(в Стрельне)

Я вижу — что лазурна сень
И изумрудна ель,
К которой прислонясь читаю
О странствиях Давид Ноэль.
Она брела среди снежных гор,
Жила в пещерах диких лам...
Пока завидую ей — день
Уж ломится напололам.
Потом под радио «Орфей»
Я вспоминаю наше время —
Ганеша просит молока,
Икона плачет в Вифлееме,
Что умерла, как будто, Ванга,
А яблонь слышит, сжавшись мило,
Как тенор из травы и праха
Поет так жадно: «Вита миа!»
Потом бреду в пустое море.
Среди мелких рыбок спит Кронштадт,
Смотрю направо — там мой город,
Счастливо взятый напрокат.
Во мне смешалось столько ветра,
Златой над головой венец,
И плавно колесо Сансары
Остановилось наконец.
Не знаю — добрая ли, злая,
Я вижу ровный страшный шум,
И юный старец в Гималаях
Наводит зеркальце мне в ум.

1996

ПОДАРОК

Вы подарили мне хадак* —
Такой прекрасный,
Его повешу в Рождество
На люстру.
Он серебристый, он шелков
И так прохладен,
И горы вытканы на нем,
Покрыты снегом.
Внизу под ними виден пруд
Голубоватый,
И полукругом там стоят
Рядами духи.
И девы красные среди них
В венцах лиловых,
И впереди их всех сидит
Собачка.
Он весь в подвесках, злате был,
Переливался —
Как бы постиранный в росе
Рассветной.
Подарок вынула из сна,
Свернула в трубку —
Его вручили ночью мне
В тьме лазарета.
Стон, бормотанье, сонный взвизг
Кругом носился,
И вдруг пришел ваш почтальон
И поклонился.
Принес он шарф от дальних гор,
И тот развился.
Теперь висит он в Рождество,
Кружась на люстре,
Напоминая смерть и боль
И вас, благие.

1996

* Хадак — ритуальный тибетский шарф.

Слева — изгородь живая, Океан — со стороны другой,
Я меж них бреду по тропке. Где я? Что я?

Бог со мной?

Как темна стена, а цветы белы,
Как больны слова и светлы валы.
И шумят сильнее в сумраке ночном,
Вместо фонаря мне светит слово «Ом».
Если я заплачу — это на века —
Сердце расплеснется, затрясет бока.
Изгородь все выше, все белей цветы.
Сердце, не касайся сердца темноты.

1996

МАЛЕНЬКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ МИСТЕРИЯ

Бог:

Вот алмаз, который спрятать
Я хотел бы на земле,
Но боюсь — в его лучах
Вспыхнет, превратясь во прах.

Ангел (*Марии*):

Ты выдержишь преображение крови?
Ты вынесешь ли световой удар?
Сейчас ты превратишься в горстку пепла
Иль Бога в хрупком чреве понесешь.

Другой ангел:

Вот реторта, вот фиал —
Голубица, чье имя: Любовь.
Пусть смешится с новой страшной кровью,
Как в воде вино, — земная кровь.

Бог вошел в нее и лег как в лодку,
Плыл от центра мира до яслей,
А Она была футляр и стены печи,
В коей он всходил для жизни дней.

декабрь, 1995

ТРОЕРУЧИЦА В НИКОЛЬСКОМ СОБОРЕ

Синий футляр пресвятой Троеручицы,
Этот лазурный ковчег
В мокрую вату вёртко закручивал
Быстро темнеющий снег.

Все ж я Тебя полюбила невольно,
Это небесный был приворот,
Съежилось сердце, дернулось больно
И совершило, скрипя, поворот.

Если чего виноваты мы, грешные,
Ты уж прости,
Три своих рученьки темные нежные
В темя мое опусти.

май, 1996

ΠΟ ΤΥ ΣΤΟΡΟΝΥ ΡΑΖΥΜΑ

ПОЧЕМУ НЕ ВСЕ ВИДЯТ АНГЕЛОВ

Геннадию Комарову

Ангелы так быстро пролетают —
Глаз не успевает их понять.
Блеск мгновенный стену дня взрезает,
Тьма идет с иглою зашивать.

Вечность не долга. Мигнуло тенью
Что-то золотое вкось.
Я за ним. Ладонями глазами
Хлопнула. Поймала, удалось.

А если ты замрешь, вращаясь
На острие веретена —
То Вечность золотой пластинкой
Кружится. Взмах — ее цена.

И если ангел обезьяной
Сидит на ямочке плеча,
То нет плеча и нет печали,
Нет ангела — одна свеча.

1996

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ФИЛИПОВУ В БОЛЬНИЦУ

Вася, улетайте из своей психбольницы!
Положите куклу в кровать — и летите.
Как бы Вы сказали: когти рвите.

А я уж жду и кружу над Невой.
Мы взлетим — небольшие курящие птицы
Над пепельницей из пепла — Луной.

Больше руки у Вас не дрожат.
Чем мы ближе к черной дыре,
Тем спокойней.
Сильный сквозняк —
Завертело — и все. Это было не больно.

Я тут знаю табачную книжную водко-кофейную
лавку.

Или нам ничего уж не нужно?
Вьюжно.
Там за тьмой
Кукольный театр, вертеп.
Какие смешные и милые куклы.
Видишь, Вася, ты разве ослеп?
Бабушка тихая «с бусинками глаз» на метле.
Черный песик, Миронов и Дева.
Вы зачем-то бьете ножом бесконечно
По ладони Вашего папу.
Он истекает клюквенным соком. Довольно,
Оставьте. Ему ведь ни капли не больно.
Вот и финал (не смотрите):
Петрушка с большою дубиной
На медном коне в патине и паутине,
Царевич бежит от него, убегает.
Спасется — лицо закрывает руками — не спасся.
Вот и Лавиния в пестрой рясе
Молится в углу за тебя,
Бедный маленький Вася.
Тихо развратный инок в миру.

(Я не привыкну к этой местности блеклой и морю
тины)

Но здесь я пойму твою жуткую кротость
И тихость упованья скотины.

Стань, наконец, что ли, змеем воздушным!
Покорный солдат, тихий брат.
Улети из гостиницы душной в никуда наугад.
Или воздушным шаром...
Или пожаром.

1996

ГODOВЩИНА 1 МАРТА

Звенит, крошась, жемчужный снег.
Трубы взбурлится водосток,
Что близок март, что недалек...
Рождает тени человек —
Они блуждают одиноко.
Сто лет назад промокнувший Петербург
Стоит как замок алхимический.
(Три тени лики обратили на Восток,
И скользок путь домой и труден.)
В подвале варится гремучий студень,
И некий маг (губернии Таврической)
Почуял — нынче миг нигредо —
В который все должно чернеть,
Весенней грязью ползть — и жизнь его,
И королю всех прежде умереть,
Нырнув в России-каши вещество.
И тигли булькают,
И три железных тени
Восходят в башню,
Сразу на колени
Становится Король,
Он со стены снимает бритву-меч
И клонит голову,
И женщина ее срезает с плеч.
И — сразу вой, хаоса торжество,
Кружится башня, плещет вещество,
Слетаются все мартовские черти,
Тележная, Садовая и Роты
Кусают хвост свой, как большие черви.
Куда бежать, кому бежать охота?
Повсюду слепота и смех белесой смерти.
Летят по воздуху глаза
И в них зрачок святой, растертый.
Весна тюрьмы, весна казарм,
Шипя, несется из реторты.
О, кто не маг, не гомункул-дитя,
Тем неохота бродить и кипеть,
Все равно белой крупинкой на лету блестя,
В черном бродильном мешке умереть.

1985

Дождь ли, град, снег —
то есть все — что выходит наружу,
то есть все — чем мерцают глаза.

А в окнах у цыган
Краснело, полыхало.
Но это не костер,
Иль в комнатах костер?
Из-за деревьев вдруг
Окликнули, позвали,
И тень к теням —
Мы с именем вдвоем.
Пусть лето влажное
колени подвернуло,
Пусть вяз накиннул
лечащий халат,
Казалась жизнь тесна,
А вот висит свободно,
Нет листьев у меня,
А ворон был мне брат.
О Батюшков, тебя, безумного, сегодня,
Разумная, тебя я вспомню, как помнит все вода.
Венера мне не сестр, а спицею холодной
На древо знания прищиплена звезда
Полярная — как ягоду, как яблочко,
Я съем ее сегодня всю,
И демонов седых косматый облак
Ее опустит вниз, чтоб никла на весу.
А в окнах у цыган, в их комнатах напротив
Всё разгоралось что-то, всё в прыжках,
Но это не костер, не первый день творенья,
Нет, это не костер, не в комнатах пожар...

1996

ПТИЦЫ НАД ГАНГОМ

В Ганге хищные птицы
Всегда поживу найдут,
Бедных (а кто же не бедный) тела
В острые клювы плывут.
Плавно душа по-над телом парит,
«Кушайте, птицы, — она говорит, — веселей»,
Тихо подпихивая лицо,
Как расторопный лакей.
В Индии люди чувят,
Когда умирать пора,
Тихо подходят к воде,
Тихо тело снимают.
В воду сползает оно, как гора.
Дикая цапля долго
Над кем-то кружила,
И на лицо опустилась одна,
Глаз стремительный синий
Она, не хотя, заглотила
И повторяла, давясь: «я должна».

1988

◆ ◆ ◆

Не ночь еще, еще ты не в могиле,
Но смерти уж кружат, как братья возле Фив.
Так откуси себе язык, пока ты в силе,
Умолкни, не договорив.

Последнюю из голубых жемчужин
Не взманивай из дали в близь,
Последнюю другим не высказывай тайну,
Себе не проговорись.

1996

УМ В ПОИСКАХ УМА

Место действия: Разгар лета. Большой спортивный праздник на берегу залива. Прямо на песке — выставка водолазных костюмов. Среди них медный шар. Дети пытаются надеть его. Водолаз уходит под воду в чем-то скромном и грязном. Никто не ждет, что он появится снова.

Действующие лица: Ум, Безумие, Толпа зрителей, Медный шар.

Медный, круглый и блестящий
Шлем, глядя на Залив, под солнцем весь сиял,
И на канате водолаз в резине
Потертой в море ускользал.
Что значит — быть в уме?
О, этот круглый дом!
От шара красного глаза не отлипали.
Подобно как желток о скорлупе,
Мечтала голова о нем.

Вид сверху на толпу:
Большой бильярдный стол,
Где в лузу нет прохода.
О, не толкайтесь так —
Мы — море черепов,
Где должен быть один.
Дробиться — мания твоя, природа.

Ум там — где медь и шар
И где заклепанный туманный
Огромный глаз.
Одежду разума и дом ума
Отдай мне, мудрый водолаз.

Я без ума, о море, люди и сорные цветы, от вас,
Но безумье утонуло,
Но безумье ускользнуло
В лабиринты сна и Крита.
Снова ум — в уме умов.
Снова он готов
Для выработки страшных лейкоцитов —
Перебегающих из вены в вену — слов.

1996

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА В ДОМЕ

Если от Полярной опустить отвес —
Он окно мое разрежет пополам.
Я и днем посматриваю ввысь.
Ты одна горишь не по часам.

Разве же сердце вковано
Во флейтовый тонкий свет?
Разве на цепочке — тяжкая
Плоская — мой брегет?

Или ты вьешься по небу?
Вьюнок? Или ты змея?
Ты ведь соринка в глазнице,
Ты ведь чужая моя.

От головы до центра мира
Упёрлась ты в висячий нож,
Его держу я лбом — а дёрнусь —
Ты упадешь, ты все сожжешь.

1996

БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ НА ПЯТУЮ СТОРОНУ СВЕТА

Как будто течением — все стороны света свело
К единственной точке — отколь на заре унесло.
Прощай, ворочайся с Востока и Запада вспять.
Пора. Возвратно вращайся — уж нечего боле гулять.
От Севера, с Юга — вращай поворотню весло.
Ты знаешь, не новость, что мир наш он — крест,
Четыре животных его охраняли окрест.
И вдруг они встали с насиженных мест —
И к точке центральной — как будто их что-то звало,
А там, на ничейной земле, открылася бездна-жерло.

С лавровишневого юга на черном сгустившемся льве
Ехала я по жестокой магнитной траве.
Там на полуночье — жар сладострастья и чад,
Там в аламбиках прозрачных багровое пламя растят.
Вдруг грохот и шум — впереди водопад.

Обняв, он тянул меня вглубь, куда тянет не всех,
А тех, кто, закрывши глаза, кидаются с крыши
навек.

Но, сделав усилие, я прыгнула влево и вверх.
И это был Запад — где холод, усталость и грех.
При этом прыжке потеряла я память ночей,
Рубины и звезды, румянец и связку ключей.
А мельница крыльев вращалась, и вот уже я
На Севере в юрте, где правит в снегах голова.
Но снова скольжу я на тот же стол водяной
Со скатерью неостановимой, и книги несутся со мной.
Тогда на Восток я рванулась в последней надежде,
Где горы, покой, там боги в шафранной одежде.

Но сколько же ты ни вращайся на мельнице света
сторон,
Есть два только выхода, первый: паденье и склон.
Другой — это выброс во внешнюю тьму,
Его я отвергну, там нечем кормиться Уму,
Там нет ни пристанищ, ни вех, ни оград.
О нет! Остается один водопад.

Та страшная точка, она — сердцевина Креста,
Где сердце как уголь, где боль, пустота.
Но это же сердце — грохочет там кровь —
Наводит надежду, что в гневе сокрыта любовь.

Прощай, моя мельница, света сторон колесо!
Меня уже тянет и тащит, я вас вспоминаю как сон.
Никто мне уже не вернет ни ключей, ни камней,
Ни имен, ни костей.
Я с искрою света в ладонях лечу среди ливня теней.
О ливень, о мельница, о водопад!
Мы смолоты в пепел и прахом осядем на дне.
Лев, ангел, орел и телец растворились во мне.
Но если успеешь еще оглянуться вверх, на исток —
Там стороны света кружатся, как черный цветок,
И если я искру с ладони своей проглочу —
То чудо случится — я вверх в сердцевину лечу.

Уже меня тянет обратный подъемный поток.
Как будто пропеллер, а в центре его — граммофон
(А музыку слышно с обеих сторон).
И вот вылетаю в рассветную радость, в арбузный
Восток.

Я вспомню тотчас, что мир — это Крест,
Четыре животных его охраняют окрест,
А в центре там — сердце, оно все страшнее стучит.
Я вспомнила память, нашла золотые ключи.

Четыре животных к концам своих стран побежали.
Чтоб сразу за всеми успеть — распяться надо
вначале.

Ангел над головой, лев красногрудый в ногах,
Двое других по бокам, на часах.
Лука, Иоанн, Марк и Матфей
В розовом сумраке сердца сошлись со связками книг.
Сердце, сердце, прозрей же скорей!
Сердце глазёнком косится на них.

У мысли есть крылья, она высоко взлетит,
У слова есть когти, оно их глубоко вонзит.
О, ярости лапа, о, светлого клюв иступленья!
Но ангел с Тельцом завещали нам жалость, смиренье.
Я всех их желаю. И я не заметила — вдруг —
На Север летит голова, а ноги помчались на Юг.

Вот так разорвали меня. Где сердца бормочущий
ключ —

Там мечется куст, он красен, колюч.
И там мы размолоты, свинчены, порваны все,
Но чтоб не заметили — время дается и дом.
Слетая, взлетая в дыму кровянисто-золотом,
Над бездной летим и кружим в колесе.

В крещенскую ночь злые волки сидят у прорубной
дыры.
Хвосты их примерзли, но волки следят за мерцаньем
игры
Звезд, выплывающих снизу, глубокие видят миры.
Зоркие жалкие твари — не звери-цари.
Волки — то же, что мы, и кивают они: говори.
Мутят лапою воду, в которой горят их глаза
Пламенем хладным. Если это звезда, то ее исказила
слеза.

В ней одной есть спасенье, на нее и смотри,
Пока Крест, расширяясь, раздирает тебя изнутри.

январь, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Арборейский собор

Украинская флора	7
Живая молния 9
Переезд через Проклятые горы	.10
На прогулке12
Приближение Кавказа	.13
Арборейский собор14
«Не переставай меня творить...»	.15
Апология солнцеворотного сна	.16
Ссора в парке18
Пушкин целует руку Александрову20
Явление русской армии в виду Стокгольма	.21
«Над зыбью залива...»22
«Как нынче пусто было в церкви...»	.23
Пробуждение	.24
Покупка елки25
Алхимический рассвет26
«Слепые очи северной ночи...»	.27
«Почему вот этой пылинке...»	.28
«Ваше сердце плачет ночью...»	.29
Автомобильное30
Воздушное евангелье32
Злое сокровище (<i>маленькая поэма</i>)	.36
Слепая весна42
Прерывистая повесть о коммунальной квартире	.48

Западно-восточный ветер

Хокку61
Самурай и бесы	.63
Иудеям и всем64
«Стихотворение в священном гневе...»	.65
Долгое схождение во ад	.66
«Мне ветер говорил...»	.67
Гусиноозерский дацан68
«Стамбул не пал, не пал Константинополь...»	.69
Шофар70
«В глубокой долине...»	.71
«Там, где, печалью отравившись...»	.72
Обрусение Кундалини	.73

Времяпровождение № 2	74
Подарок 75
«Слева — изгородь живая...»	76
Маленькая рождественская мистерия	77
Троеручица в Никольском соборе	. 78

По ту сторону разума

Почему не все видят ангелов 81
Послание Василию Филиппову в больницу	. 82
Годовщина 1 марта	. 84
«А в окнах у цыган...»	. 85
Птицы над Гангом	. 86
«Не ночь еще...»	. 87
Ум в поисках ума 88
Полярная звезда в доме 89
Большая элегия на пятую сторону света	. 90

В поэтической серии «Автограф», издаваемой «Пушкинским фондом», вышли следующие сборники:

- 1. **Б. Ахмадулина.** *Ларец и ключ*
- 2. **В. Салимон.** *Невеселое солнце*
- 3. **И. Лиснянская.** *После всего*
- 4. **Ю. Кублановский.** *Памяти Петрограда*
- 5. **И. Бродский.** *В окрестностях Атлантиды*
- 6. **Н. Кононов.** *Лепет*
- 7. **А. Пурин.** *Евразия и другие стихотворения*
- 8. **Е. Шварц.** *Песня птицы на дне морском*
- 9. **С. Гандлевский.** *Праздник*
- 10. **В. Гандельсман.** *Там на Неве дом...*
- 11. **В. Дроздов.** *Стихотворения*
- 12. **Л. Лосев.** *Новые сведения о Карле и Кларе*
- 13. **А. Цветков.** *Стихотворения*
- 14. **Д. Новиков.** *Караоке*
- 15. **И. Жданов.** *Фоторобот запретного мира*
- 16. **Т. Кибиров.** *Парафразис*
- 17. **Е. Шварц.** *Западно-восточный ветер*

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных сборников обращайтесь
в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24

факс: (812) 273-52-56

Ш 33

Шварц Е.

Западно-восточный ветер. Стихотворения. — СПб.: «Пушкинский фонд», 1997. — 96 с.

ISBN 5—85767—099—3

ББК 84. Р7

Шварц Елена Андреевна

Западно-восточный ветер

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1997

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 030 448 от 10 ноября 1992 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Подписано в печать 03.03.97 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 6. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Зак.№ 47

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии "Полиграфический центр"
190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6
тел./факс 812 315 3310

